

Могла ли столь грубая уловка ввести в заблуждение искушенный в политических интригах Влахернский дворец? В обычных условиях — конечно, нет. Но вся хитрость Карла как раз и заключалась в том, что выбрал он время не совсем обычное.

В те дни в Византии был явно нарушен закон: у власти находилась женщина, причем женщина, похитившая трон ценою кровавого преступления [*Императрица Ирина свергла с престола, ослепила и заточила в темницу своего сына, императора Константина VI*]. Это была императрица Ирина, с которой еще до захвата ею власти, Карл вел переговоры. Теперь, выражая лицемерное огорчение по поводу своей «неожиданной» коронации, новый император Запада одновременно заявлял о своем желании сохранить полное «единство» империи: с благословения папы он отправил в Константинополь особое посольство, имея целью предложить руку и сердце повелительнице православного Востока [*Как раз в это время Карл снова овдовел, потеряв королеву Лиуггарду*]. И посольство было принято весьма благосклонно.

Без сомнения, то был кульминационный миг могущества Карла. Проводя политику «кнута и пряника», завязывая сложный дипломатический узел, франкский властитель, казалось, уже почти достиг того, что так и не удалось в свое время Юстиниану. Реализация брачного проекта соединила бы Восток и Запад под эгидой одного государя; Римская империя была бы восстановлена в своем полном объеме, в особенности, если учесть, что именно к этому времени Карл добился серьезных успехов в омейядской Испании, проник в Палестину и имел своих агентов в главных городах северной Африки — Карфагене и Александрии.

Однако все сорвалось. Сорвалось из-за непредвиденных обстоятельств.

Против Ирины давно уже зрело недовольство. Маневр Карла ускорил вызревание заговора знати. 31 октября 802 года, буквально на глазах уполномоченных франкского государя, произошел дворцовый переворот, в ходе которого Ирина была низложена, а византийский престол занял новый